

Мы живем в стране необъятной по территории и многообразной по природе, культуре и истории, населяющих ее народов. Но знаем ли мы свою страну и самих себя?.. В чем уж точно мы преуспели — так это в самокритике. Во все времена отечественная сатира едко высмеивала недостатки русского характера и пороки русской жизни, но вместе с тем настоящую оду России и ее народу создал, пожалуй, самый острый отечественный сатирик — Николай Васильевич Гоголь, писавший о любви русских к Родине: «Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а!..»

Мы по-прежнему любим свою страну очень сильно, болезненно переживая за последствия демографического кризиса, чередующуюся цепь провалов в политике и экономике, ухудшающуюся экологию. Мы любим свою страну, страдая за нее, все время находясь в поисках кардинальных путей ее развития: Как нам обустроить Россию? — вечный вопрос. И в этом есть особенность национального характера, опирающаяся на многовековую духовную жизнь, что позволяет нашему народу выживать в самых экстремальных условиях, проявляя невероятное терпение и доброту. В истории России было немало сложных, переломных периодов, когда страна мучительно искала свой путь, свое место в мире. Такие периоды всегда сопровождалась обострением противоречий, критическим переосмыслением всего пройденного пути и в частности переосмыслением итогов развития российских территорий, так как россиянин по своей глубинной природе — осваиватель территории, ее преобразователь, пытающийся органично встроить свое жилище в природный ландшафт родной земли, отсюда у него другое, отличное от западного восприятие пространства.

«Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», а живой организм природы

и духа» (И. Ильин. «О России»). Бесконечное разнообразие ландшафтов, полиэтничность и множественность формируют уникальную природную и культурную палитру России, и любые негативные изменения, влияющие на нее, причиняют сильную боль и тревожат, что и проявляется в многочисленных исследованиях, посвященных российским регионам.

Значительное количество работ принадлежит ученым Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва), которые изучают российские территории с точки зрения гуманитарной географии — еще сравнительно молодого, но весьма популярного междисциплинарного направления исследования, позволяющего видеть, анализировать и конструировать «образы территории», эффективно оперируя ими в контексте самых разных областей научного знания. Нестандартные, художественные интерпретации образов пространства, выраженные в разных жанрах: эссе, очерка, заметки позволяют нам увидеть страну через призму рассуждений путешественника ученого-исследователя, аккумулирующего в создаваемом образе территории впечатления и ассоциации самых разных людей, помогая всем нам понять: Какая она, наша Россия? Как живет ее (пока еще) многомиллионный народ?

Этот авторский анализ, конечно, строится на личных переживаниях, вбирая в себя всю гамму ощущений и переживаний, но именно в этом и состоит его ценность, потому что любить Россию — это значит болеть за нее душой!

Подтверждая этот тезис, мы предлагаем нашим читателям эссе молодого исследователя Кирилла Павлова, обобщившего опыт культурно-географического изучения территории на примере города Хвалынского Саратовской области в рамках программы «Гений и место».

Павлов К.А.

Хвалы́нск

Павлов К.А.

Великий мир российской провинции умирает в очередной раз. Умирает не окончательно, трансформируясь, но многое в подобной трансформации сродни смерти. Не только деревни и села, но и сами города с некогда звучными и звучащими именами продолжают неуклонно терять население, прежде всего, молодежь превращаясь большей частью в сезонные дачные поселения. Вопреки рапортам о росте экономических показателей и благосостояния населения, в провинции не снижающимися темпами продолжаются процессы депопуляции, разрежения сети населенных пунктов. Попутно идет процесс гиперконцентрации населения в экономических центрах. Российская деревня не только в Нечерноземье, но и в более благодатных с позиций агроклиматических условий районах, в своем привычном (условно традиционном) виде доживает последние десятилетия. Безвременность, неопределенность, вырванность из исторического, географического, экономического и социально-поведенческого контекста — вот основные признаки, характеризующие повседневную жизнь малых провинциальных городов России.

Решение экономических проблем — задача первоочередная и более глобальная, которая не может ограничи-

ваться рамками территориальной общности. В то время как для преобразований в ментальной сфере и адаптации к внешним социальным трансформациям любая территориальная общность имеет внутренние резервы и возможности.

Для многих провинциальных городов и территорий важным фактором, работающим на восстановление историко-географического контекста и преодоления синдрома безвременья, становятся ассоциативные ландшафты: символы и образы, указующие на избранность, необычность данного места, на те из его особенностей, которые могут стать предметом гордости и смысловой (идейной) осью самоидентификации. Основой для возрождения российских территорий и средством привлечения отдыхающих и туристов.

Хвалы́нск [1]

Моделирование и популяризация ассоциативного ландшафта — один из доступных и малобюджетных способов идейно-ментальной и поведенческой организации территориальной общности, способ адаптации к новейшим социальным трансформациям и выработки позитивного экологического мышления. Рассмотрим эти внутренние резервы территории на примере города Хвалынска Саратовской области. Действующими лицами нашего повествования будут К.С. Петров-Водкин, его творческое наследие (литературное и живописное) и город Хвалынск в контексте окружающего его природного ландшафта.

Горы на равнине

Кто сказал, что Русская равнина это плоскость? Абсолютные отметки, редко где превосходящие 300 м над уровнем моря, еще не отражают сути. Ведь сравнительно небольшие перепады высот явились главной причиной того, что житель Русской равнины очень хорошо рефлексирует рельеф, вертикальное измерение ландшафта. Относительные превышения, едва достигающие сотни метров, он уже именует горами, не отличая их от грандиозных хребтов крупнейших горных систем мира.

Большая часть Приволжской возвышенности, особенно ее восточный склон, ниспадающий к Волге, издавна воспринималась как горы. И в том не было никакой метафоричности. Шучьи, Ундорские, Сенгилейские, Жигулевские, Чернозатонские, Хвалынские, Змеевы... — их плавно перетекающие друг в друга гряды сопровождают течение великой реки на всем ее субмеридианальном участке.

Горы для Хвалынска — важнейшая особенность пейзажа. Они заботливо окаймляют «свой» домашний мир, локализуя пространство малой Родины, отделяя его визуально и ментально от остальной страны. Именно Хвалынские горы стали местом рождения сферической перспективы, во многом определившей специфику творчества нашего героя.

Город снаружи

К югу от города Сызрани, перекатываясь длинными пологими волнами, тянутся поля,

большой частью возделанные, где золотисто-соломенные разливы пшеницы перемежаются с пестреющими желто-зелеными островами подсолнечника. Местами бывшие сельхозугодья пустуют, и на поля постепенно возвращается растительность изначальной красочно-ковильной степи. Дорога сворачивает в лес, закладывает петли, огибая сопки меловых гор, после чего положим косогором спускается к городу, прижатому к разливу «Волжского моря». Лес и горы — хорошо осязаемый визуальный, природный и семантический буфер, обособляющий Хвалынск от Большого мира. Нетривиальное природное окружение замечательным образом локализует город: «за горами, за лесами, за широкими морями...», — это как раз про него, только горы невысоки, леса не слишком дремучи, а море рукотворно.

Зачастую в повествовании хочется почувствовать себя художником-экспрессионистом и, густо зачерпнув краску, крупными мазками запечатлеть то, что бросается в глаза, первые яркие образы, в которых тесно переплетено визуальное и ассоциативное. Даль, мел, солнце, море, провинция, безмерно далекий непривычный горизонт...

Город, возникший и развивавшийся между Горой и Водой и тяготевший в историческом прошлом к последней, к началу XXI века стал по сути сухопутным, и это вопреки открывающимся с вершин окрестных холмов многокилометровым водным просторам.

Вода воспринимается именно как море... не река, не водохранилище, а море... причем море декоративное, бутафорское, иллюзорное, будто явленное под действием древних хтонических сил плейстоценовых времен. То самое, знаменитое Хвалынское море, регрессировавшее в настоящую геологическую эпоху до размеров современного Каспия.

Между городом и морем унылого вида бетонная дамба, на которой оборудовано нечто вроде набережной — излюбленного места вечерних променадов. Собственно именно дамба своим существованием и внешним видом всячески подчеркивает чуждость современ-

Саратовская область. Хвалынск. «Черемшаны» [2]

ного Хвалынска и измененной Волги. Сегодняшний Хвалынск город не приволжский. Это город, оторванный и отгороженный от реки, отвернувшийся от нее. Дамба, как великая китайская стена (показательное сравнение, приведенное в беседе местным художником Серовым), ограждающая «поднебесную» Хвалынска от окрестного хаоса. Волга уже даже не граница, она вне города, это чужое пространство...

Когда идешь по набережной, очень сильные метафизические ощущения осиротевшей пустыни, пустынного фронта, форпоста ойкумены. В сознании происходит парадоксальное смешение антонимических понятий «пустыни» и «моря»: визуально видимый водный разлив воспринимается как окаймляющая город пустыня. Черда панельных домов, обращенных уродливыми фасадами на «море», закрывает город от потока горячего ветра, укрепляя в вышине изложенной мысли.

Закат хлебной торговли, затем постройка Саратовской ГЭС, еще позднее отмена пассажирских рейсов речного транспорта и, наконец, практически полное прекращение судоходства в последние годы — шаг за шагом отдаляли город от Волги, что привело к еще одному парадоксу: вопреки своему географическому положению Хвалынск — город не волжский.

Показателен случайно услышанный разговор в автобусе, где одна пассажирка, глядя на широкий разлив и прибрежную тину, говорит: «Совсем заросла Волга, совсем в болото превращается, гниет вода». Усилившаяся после затопления абразия продолжает рушить берега, образуются мели, заносится фарватер, цветет вода. Местные жители купанию в водохранилище предпочитают пруды на оврагах: в урочище Черемшаны или на Первой

плотине. Оно и не удивительно — в городе есть всего лишь один маленький пляж и тот, по сути, находится уже за городом на территории, принадлежащей базе отдыха «Ривьера», а оживляющий ветер лишь изредка относит зеленоватую слизь водорослей, уступая место чистой воде.

Ощущение неживой реки-моря, видовой декорации (вроде холста в каморке Папы Карло), на фоне которой происходит действие теперь уже исключительно сухопутной жизни Приволжья — одна из наиболее ярких черт культурного ландшафта современного Хвалынска. По вечерам на дамбе можно встретить рыбаков, в ведре у одного крохотный ершик — «кошкина радость», у другого пять литров воды. Волга обезрыбила, это поразительно, но поймать леща здесь считается удачей, сом уже редкость, а островных никто не видел много лет.

Визуально Хвалынск — город противоречивый: из 8 храмов, некогда организовавших архитектурное пространство и формировавших индивидуальный силуэт города, остался только один, и тот утратил колокольню и пятикупольное завершение. В результате лишённая вертикальных доминант застройка и, как следствие, неорганизованное архитектурно-визуальное пространство не смотрятся даже вопреки наличию немалою числа достойных построек. Ми-

нарет мечети, пожарная каланча, портовый кран на дебаркадере и труба котельной — вот и все господствующие вертикали в городе, причем каждая из них настолько незначительна, что играет лишь локальную роль.

Интересен практически полностью сохранившийся с начала XX века ансамбль застройки центральной части Советской улицы, а также отдельные дома и особняки на улицах Красноармейская, Ленина, Революции в местах их пересечения перпендикулярными улицами, направленными от гор к Волге. Необычные типы построек и, прежде всего, декоративных элементов указывают на «южное» происхождение города. Среди характерных черт исторически ранней хвалынской архитектуры можно указать следующие: многие дома-срубы выполнены в полбревна и поставлены на довольно высокие каменные подклети. «Полубревенчатая» технология строительства имела двойной смысл: с одной стороны, достигалась 50% экономия древесины, с другой — внутри сруба получались ровные тесаные стены. Многие каменные особняки и общественные здания начала XX века являются замечательными образцами провинциального модерна и псевдорусского стиля. Особенно колоритны особняки Чертухина, Солдаткина, бывшая кондитерская Кекселя.

Обращает на себя внимание широкое распространение ставен, специфика каменного и деревянного декора. Так, например, многие усадебные дома Хвалынска имеют наличники, декорированные не резьбой, а токарными элементами; в частности, очень характерен зародившийся в Хвалынске мотив «троесвечника» как символа Троицы.

Город изнутри

Хвалынск — город небольшой (около 14 тыс. населения), заключенный природным окружением и человеческой волей в свой локализованный микромир. Город со славным прошлым, неяркий, как и большинство малых городов России, но по-своему милый, как и многие другие, не избежавшие преобразований советского времени. До сих пор несколько обособленной частью населения являются татары,

проживающие довольно компактно на месте бывшей татарской слободки, ныне улиц Верхняя Слободка, Горная и др. Как часто бывает в провинции, региональная идентичность и «идея избранности» территории в Хвалынске поддерживается и питается не массовым сознанием обывателей, а немногочисленной, но деятельной и пассионарной частью жителей, развивающих идею: Хвалынск — малая родина К.С. Петрова-Водкина.

Известный факт, что многие из малых городов России на исходе XX века стали местами притока большого количества мигрантов из числа русскоязычного населения бывших союзных республик. Как правило, это был ценнейший человеческий ресурс, в котором так нуждалась и нуждается обезлюдяющая провинция. К сожалению, в большинстве случаев малые города становятся для мигрантов перевалочными пунктами, опорными базами для «штурма» экономических центров. Во многом такое положение обусловлено недальновидной политикой местных властей и отсутствием реальных программ регионального развития. Отсутствие у переселенцев возможности приложения своих знаний, навыков достижения бытового и экономического благополучия приводит к апатии. Вместо того чтобы стать новой малой родиной для мигрантов из республик бывшего СССР, провинциальный город рассматривается ими как вынужденное временное место проживания. С подобной ситуацией приходится сталкиваться во многих малых городах Центральной России, Поволжье и Хвалынск в этом ряду не исключение.

Летний Хвалынск — место отдыха «у бабушек» для детей из Димитровграда, Саратова, Самары. Обилие детей и молодежи на городских улицах, набережной Волги, окрестных прудах, создает видимость «кипения жизни». У более зрелого населения прослеживается ностальгия по прошлому и отсутствие конструктивного будущего: взгляд обращен назад, а мысли полны сожалений об утраченном.

Ночной ветер приносит с гор запахи полыни и чабреца, легкий печальный всплеск волжской волны вторит безотрадному есте-

ственному течению истории, нашептывающему об обреченности города, которому будущее готовит судьбу дачного поселения.

Есть одно место, посещение которого как точный индикатор отличает провинцию от «городов космополитов». Это рынок. Его атмосфера, виды людей, ассортимент товаров могут многое поведать о месте. Красив рынок Хвалынска в базарные дни (по четвергам и воскресеньям). Длинным коридором стоят ведра с вишней, ягодами, жерделью; огурцы, помидоры, небольшие местные дыни, свежая волжская рыба, правда, неожиданно мелкая; особенно колоритны мясной ряд, ряд с медом, молочный с тазиками сметаны и творога, эмалированными кастрюльками сливок. Волнующая, знакомая по детским воспоминаниям атмосфера настоящего рынка, где складываются личностные отношения между производителем-продавцом и покупателем.

При знакомстве с любой территориальной общностью особое значение имеют случайные встречи (правильнее их назвать случайно-знаковыми). Запрограммированную внезапность подобных встреч я бы охарактеризовал как необходимое условие методики культурно-географического исследования вообще. Как правило, субъектами таких случайностей становятся уникальные люди, очень точно передающие сущность места. Неспроста в Хвалынске ими оказались художники. Будучи людьми искусства и мысля далеко не исключительно материальными категориями, они привносят и укрепляют в культурном ландшафте города *идею избранности и благодатности места*, его особой энергетики, привнесенной *гениями из места* Елатонцевым, Петровым-Водкиным,

отчасти Борисовым-Мусатовым. *Genius loci* современного Хвалынска, парящий над степными холмами, непременно должен иметь среди своих атрибутов мольберт, палитру и кисти.

Ежегодно в город на так называемые Хвалынские пленеры съезжаются региональные художники, многие становятся завсегдатаями данного мероприятия, некоторые перебираются в город если не насовсем, то хотя бы как дачники. Город окутывается тонкой прозрачной вуалью особой творческо-богемной атмосферы. «Я не могу прожить дня без новой картины», — говорит в беседе местная художница — женщина средних лет, пышущая энергией. Не является ли подобная «графомания» наиболее ярким проявлением энергетики места, энергетики *гения места*, созданной (или многократно усиленной) энергетикой *гения из места*.

Декларативная ставка в современном развитии экономики города и района делается на туризм, что является стандартным положением в программах регионального развития многих малых городов России, обладающих живописным окружением и сравнительно близко расположенных к крупным городам и городам-миллионерам. В качестве основного довода как обычно приводится искренне-уто-

Хвалы́нск. Дом-Музей К. С. Петрова-Водкина. [3]

пическое заявление: «Ах, у нас так красиво, вот сейчас к нам приедут богатые люди и оставят уйму денег».

Не умаляя значительности рекреационного потенциала Хвалынска, все же следует признать, что при настоящем уровне инфраструктуры, маркетинга и управления перефилирование градообразующей базы в сферу туризма мало реально. Хотя очень значимый шаг в этом направлении был сделан после модернизации, а фактически нового строительства горнолыжного комплекса. Однако небольшой горнолыжный комплекс, имеющий в своем арсенале всего две трассы и функционирующий даже при благоприятных погодных условиях не более 4 месяцев в году, вряд ли может рассматриваться в настоящее время в качестве «градообразующего предприятия».

Национальный парк «Хвалынский» развивается и функционирует, однако слабо интегрирован в общегородскую среду. Проложенные маршруты ставят своей целью не столько приблизить экскурсанта к месту, дать ему возможность почувствовать уникальность и полюбить его, сколько развлечь туриста, в том числе программами псевдоэзотерического свойства (медитации и проч.). Имеющиеся же ресурсы культурно-познавательного туризма, базирующиеся, прежде всего, на идее малой родины К.С. Петрова-Водкина, кроме как в картинной галерее, дополнительно никак не продвигаются и рассматриваются в отрыве от ландшафта (природного, городского, культурного, ассоциативного).

К сожалению, приходится констатировать, что в Хвалынске наблюдается несвязанность и разрозненность точек и полюсов роста. Городская администрация, музей, национальный парк, горнолыжный комплекс, по сути, должны выработать единую программу популяризации и развития туристско-рекреационной сферы города, но пока этого не происходит — слишком силен фактор непонимания. В этой связи в качестве методологической платформы для консолидации усилий всех заинтересованных в территориальном развитии сторон может рас-

сматриваться идея ассоциативного ландшафта, связующая историю и современность, пейзаж и культурное наследие города.

На горах

Считается, что Хвалыньские горы амфитеатром объемлют город и его окрестности. Хотя при более пристальном наблюдении здесь легко различить два цирка, сходящихся к хребту горы Каланча. Южный, меньший по площади, простирающийся до урочища Черемшаны, наполнен старыми, местами уже ассимилированными лесом яблоневыми садами, полями кабачков, красочными остепненными луговинами, богато пахнувшими полынью, донником, чабрецом, шалфеем. Кое-где проступают ослепительные на солнце крутые склоны меловых осыпей, не имеющие сплошного растительного покрова, за исключением поросли бедренца-камнеломки, куртин тимьяна и «шишек» синеголовника.

Северный цирк-подкова в диаметре прервосходит 5–6 км. Начинаясь от вдающегося в долину Волги голого хребта Каланчи и вздымаясь широкой каймой степных взлобий, опущенных сосновым и широколиственным лесом, он тянется через меловые обрывы карьеров горы Богданихи до горнолыжного комплекса и заканчивается урочищем Таши и Федоровским Бугром, покато ниспадающим к Волге. В центре северной подковы, между «морем» и двумя горами Поповой (127 м), приближенной к центру города, и Каланчей (223 м), находящейся на его юго-западной окраине, лежит город. На горах, к югу от города, мел местами уступает песчаникам и кварцитам. Желтые цветы цмина и раkitника оживляют ковыльную степь. Полынь, чабрец и шалфей, раскаленные полуденным солнцем, щедро отдают воздуху эфирные масла.

С высоты открывается необъятная ширь. И разогнавшийся над просторами «морья» ветер будто надувает крылья, и с господствующих высот будь то Поповой горы, Каланчи или Трех Сестер внутренний мирок Хвалынска представляется пространством для левитации. Позиция наблюдателя воспринимается как зависание в воздухе. Широкий оком и непривычная цир-

корамность видов захватывают дух, пьянят воображение. На этих особых позиционных точках ландшафта при желании действительно можно уловить и сферичность горизонта, и изогнутость Волги в вертикальной плоскости. «... Я увидел землю как планету... Очертя глазами весь горизонт, воспринимая его целиком, я оказался на отрезке шара, причем шара полого, с обратной вогнутостью, — я очутился как бы в чаше, накрытой трехчетвертьшарием небесного свода. Неожиданная совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме. Самое головокружительное по захвату было то, что земля оказалась не горизонтальной, и Волга держалась, *не разливаясь* на отвесных округлостях ее массива, и я сам не лежал, а как бы висел на земной стене» (Петров-Водкин К.С. «Пространство Эвклида»).

И сферичность совсем иного, не планетарного масштаба — так сферически изгибаясь по изволокам, уходит вдаль колея дороги, периодически скрывающаяся от глаза. И от этого перенапряжения восприятия рождается экзистенциальное чувство собственного растворения в мире и актуализации мира внутри себя.

Взгляд проникает вглубь гор по долинам ручьев, которые здесь именуются ключами, видимо потому, что берут начало из ключей, бьющих у подножия залесенных склонов. Горы большей частью покрыты лесом, преимущественно замечательными чистыми липняками с кленом и вязом, реже встречаются раскидистые многоствольные березы или мощные меловые сосны, стволы которых среди дубравы смотрятся несколько инороднее, будто оставшиеся отдельные колонны разрушенного античного храма. Хвалынские леса достаточно обширны и дремучи. Но, к слову сказать, знаменитых коренных меловых боров на горах осталось немного, в основном они сохранились на крутых, более засушливых, склонах южной экспозиции. На счастье нам удалось набрести на подобное насаждение в глубине леса: мощные кряжистые стволы, сероватые книзу, медно-золотые вверху, с толстой подстилкой опавшей хвои, разреженным подлеском, выжатым послеполу-

денным солнцем хвойно-смолистым сосновым духом. Кроме того, отдельные участки субореи и сосновые боры встречаются в окрестностях горы Богданихи и горнолыжного курорта, но они не менее чем на три четверти представлены позднейшими рукотворными посадками. В сосновые насаждения и коренные леса вдаются отвершие долин и балок с разнотравными луговинами, которые используются под сенокосы, а местами и выносные огороды-заимки.

Практически из любой точки «северной подковы» видно бельмо изъязвленной карьером горы Богданихи, где вплоть до последнего времени добывали чистейший писчий мел; отвалы карьера изобилуют окаменелостями белемнитов, морских губок. Со склона, превращенного карьером в безлесный отвесный уступ, открывается вид на окрестности города: видно как лес, отделенный узкой степной полосой, переходит в плодово-ягодные сады, объемлющие дискретным полукольцом город и выводящие непосредственно к его околице. Если добавить немного абстракции, то на примере Хвалынска можно рассмотреть явление Тюненской модели «изолированного государства» — столь хорошо здесь читается концентричность зон землепользования, обусловленная правда не столько экономическими причинами, сколь орографическим фактором.

Яблоневые сады Хвалынска с их знаменитыми «анисом», «черным деревом» и «скрутом» в свое время, не меньше чем зерно и Волга, помогли городу стяжать славу и известность. В августе город жил яблоками. «В это время все запахи стираются одним: идите в горы, поезжайте на остров, — всюду не покидает вас аромат, перевозимых, переносимых, укрывших обе наши базарные площади яблок» (К.С. Петров-Водкин «Хлыновск»). Многие тысячи пудов фрукта, заботливо уложенные в лубочные короба, отправлялись от хвалынской пристани вниз и вверх по Волге. Обширные сады сохранились и по сей день. Старые — с кряжистыми полусухими деревьями на дальних подступах к городу — частично ассимилированы лесом, но, судя по всему, сохранили легендарные хвалынские сорта. Во вся-

Знаменитый хвалынский анис. [4]

(в ландшафтном плане), и по хозяйственному использованию (в плане экономического).

Урочище Черемшаны, расположенное на склонах Хвалынских гор в 7 км к юго-западу от города, было известно как местонахождение старообрядческих скитов, преобразованных в конце XIX в.

ком случае, только в них в конце июля можно было встретить яблоко, радующее если не внешним видом, то хотя бы вкусом. В новых же садах, возможно из-за смены сортовой специализации, в ходе которой были интродуцированы более поздние крымские сорта, ни глаз, ни зуб ничто не радовало. Яблоневые сады мозаично перемежаются с полями кабачков, насаждениями сливовых и вишневых деревьев. И если август — время яблок, то июль — вишни, которая для современного Хвалынска является столь же ярким символом.

Черемшаны

Представление о культурном ландшафте Хвалынска будет неполным, если не упомянуть о некоторых знаковых местах, лежащих за пределами города, но постоянно упоминаемых. Одно из них — урочище Черемшаны (преимущественно сосновый лес с подлеском (с примесью ели, дуба и других древесных пород) на супесях или легких суглинках).

Черемшан — со слов местных жителей означает «черный, нестройный лес» ... иначе говоря, черемшанами здесь (а вероятно, и вообще в Поволжье) называют нагорные урочища широколиственного леса, который резко отличается от меловых боров и по внешнему виду

в знаменитые Черемшанские старообрядческие монастыри. После упразднения в начале 1920-х гг. монастырей и разгона монашествующих в Черемшанах, которые с чьей-то легкой руки получили название первых и третьих, были учреждены дом отдыха и пионерский лагерь. И до сего дня специализация места остается неизменной — несколько баз отдыха и популярная рекреационная зона для хвалынцев и приезжих в окружении горных дубрав — широколиственных лесов из липы и клена остролистного с примесью вяза, дуба, осины, американского и татарского клена. Единственное, что поменялось, — урочище Черемшаны, вошедшее в состав национального парка «Хвалынский», стало одним из ключевых элементов исторически и сакрально-ассоциативного ландшафта Хвалынска.

Архетипы и символы.

Метафизика города

В духе нового времени с его любовью к появлению брендов в Хвалынске рождаются новые бренды-символы, в которых заключена коллективно-бессознательная гордость местных жителей: горнолыжный курорт, хвалынские пельмени, поддерживаются и старые: кабачковая икра,

черемшанские соки. Хотя и икра, и соки отменным качеством уже не радуют.

Летописная история Хвалынска начинается с 1556 г., когда земли Соснового острова (находившегося напротив и чуть выше по течению современного города) и прилежащие к ним акватории были дарованы Иваном Грозным московскому Чудову монастырю для ведения рыбного промысла.

На Сосновом острове возникло рыбацкое поселение, но учитывая, что большая часть острова затапливалась во время половодья, спустя полвека в 1606 г. поселение перекочевало на правый берег Волги на место современного города, став именоваться Сосновкой. На протяжении последующих трех с половиной веков Город и Остров были неразрывно связаны хозяйственно и ментально, вплоть до 1967 г., когда в связи с постройкой Саратовского водохранилища Сосновый остров прекратил свое существование. Существование реальное, но его образ по сей день является значимой особенностью культурного ландшафта города, породив довольно богатый пласт внутренней мифологии.

В памяти многих поколений хвалынцев Остров всегда был изначальным местом, давшим рождение городу. Своего рода благословляющим праотцом, одушевленным существом, отношение к которому зиждилось на любви и священном благоговении. «Вечный остров» — под таким именем он упоминается в автобиографических повестях К.С. Петрова-Водкина. В этом словосочетании и человеческое отношение, и слышимая лишь теперь горькая ирония.

Для старожильческого населения современного Хвалынска Остров Сосновый стал местным воплощением целого ряда архетипов. Прежде всего, с Островом связана идея «Земли обетованной». Для старшего поколения хвалынцев — это душа и житница города, это символ старого Хвалынска, места богатого, щедрого доброго. Остров — кормилец. Известный своими огородами, где на иловатых почвах сажали огурцы и овощи, где копали картофель «размером с голову», где косили и ставили тучные стога сена, где по озерным протокам, когда спа-

дала вода, на перекатах руками ловили крупную рыбу, а вдоль берегов на километры тянулись пляжи белого песка. Архетип светлого прошлого, золотого века, утраченного рая. Образ острова как голос из прошлого, как глубокая ностальгия по безвозвратному прошлому.

Пожилой мужчина, коренной хвалынец, рассказывает об острове, и я чувствую, как дрожит и ломается его голос, на глаза наворачиваются слезы. А ведь прошло более 40 лет, но яркий образ-ассоциация, хранящий и унесший душу истинного Хвалынска, города на истинной Волге, которая вряд ли когда-то вернется — продолжает жить в людской памяти. Из затопленного острова проистекает некая идея-аналогия Хвалынского Китежа, благословенного места, сокрытого водами, но продолжающего свою жизнь. Это не произносится вслух, но хорошо ощущается меж слов — ожидание чудесного подъема-возвращения острова, а вместе с ним возвращения изобильной и счастливой жизни.

Идея исчезнувшей и возвращающейся Земли, цикличности исторического времени перекликается с идеей сферичности пространства — возможно, важнейшего смыслового образа Хвалынска.

Сферичность происходит из покатых гор, цирков-амфитеатров, объемлющих город, выгибов проселка, идущего по взлобьям, волжской дали, возможно лишь усилившейся и более акцентированной после постройки Саратовского водохранилища и лежащего за ней бесконечно удаленного, едва, но заметно выгибающегося горизонта. Физиономические черты ландшафта окрестностей Хвалынска во многом обусловили появление сферической перспективы, привнесенной и разработанной К.С. Петровым-Водкиным.

В Хвалынске действительно не сложно «увидеть землю планетой», ощутить себя оказавшимся внутри «полого с обратной вогнутостью шара», почувствовать разом всю планету, несущуюся в безграничье Космоса.

...Восход луны. Приплюснутый, будто растянутый по горизонту, красно-розовый диск восстает из сизого марева, как зарево пожара

в заволжских степях. И сизоватый недвижимый разлив Волги видится единственной преградой, за которой начинается космос...

Гений и место.

Вместо заключения

Интересно жить и приятно верить в изначально положенную различность мест, невещественную предрасположенность, эмоциональную индивидуальность, незапланированное и неосознанное направление бытия территории, рационально необъяснимую, но ощущаемую и находящую материальные и исторические подтверждения фабулу места. Высказанные положения совсем не новы и на протяжении тысячелетий присутствуют в человеческой культуре. Древние связывали это явление с присутствием **Genius loci** — духа места, понимая под этим особую сущность, связующую интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой.

Развивая эту тему и пытаясь увязать явление и судьбу творческой личности с особенностями территории (культурного ландшафта), его породившего, можно предположить, что время от времени происходит чудесное воплощение силы, сущности, эмоциональных обертонов «гения места» в «гении из места». Иными словами, творческая личность, выросшая в окружении «кормящего» ландшафта и впитавшая его, становится выразителем невещественного **Genius loci**.

В дальнейшем Гений из места сам по себе становится активным (воздействующим) ассоциативным символом, способным идейно орга-

низовать территориальную общность, наделить место особой харизмой, чертами «избранности», «силы» как для разного рода профессиональных (творческих) групп, так и для местного населения.

Выбор Хвалынска как поля для изучения проблематики «Гения и места» оказался очень удачным. Благодаря богатому как живописному, так и литературному наследию К.С. Петрова-Водкина, элементы ассоциативного ландшафта приобретают здесь главенствующую роль в формировании образа города, его культурного ландшафта, жизненной среды.

В обыденной жизни мы склонны мыслить преимущественно материалистическими понятиями и недооценивать роль символов и ассоциаций. Меж тем, в непростые переходные периоды роль воздействия «символической» составляющей, в том числе и на объективно-материальные стороны жизни, заметно возрастает. Особое значение данный подход приобретает в условиях ограниченного финансового и административного ресурса.

В случае с Хвалынском Гений из места, его наследие, образы ассоциативного ландшафта могут рассматриваться в качестве одного из факторов, формирующих чувство «малой Родины», генетической и исторической укоренности, создания базовой платформы, которая порождает неравнодушие к собственному краю и населяющим его людям, к его истории и будущему; особую ментальную основу, оттолкнувшись от которой, можно думать, планировать, строить позитивное будущее.

Литература:

1. <http://www.artinnet.net/modules.php?name=Lessons&file=article&sid=29> (дата обращения: 29.04.2011)
2. <http://kalimiro.com.ua/rossiya> (дата обращения: 29.04.2011)
3. http://nnm.ru/blogs/deboshir/hvalynsk_dom-muzey_k_s_petrova-vodkina_galereya_prosto_gorod/ (дата обращения: 30.04.2011)
4. <http://www.nedelia.ru/oldarch/archiv/2004/21-86/page19.htm> (дата обращения: 30.04.2011)